

Обзоры

ИРАНСКИЕ АВТОРЫ О ГИБЕЛИ А. С. ГРИБОЕДОВА

Прошло около 150 лет после гибели в Тегеране 30 января 1829 г. полномочного министра России в Персии А. С. Грибоедова и почти всего состава русского посольства, а иранские историки все еще продолжают обращаться к этой теме. Они стараются излагать и интерпретировать главные обстоятельства тегеранской трагедии в соответствии с версией о том, что убийство произошло якобы по вине самого А. С. Грибоедова, что иранские правители не были причастны к нему, а Фатхали-шах Каджар даже будто бы принимал меры к предотвращению кровопролития.

Вспомним, как появилась упомянутая версия и как она превратилась в официальную в России и Иране. Убийством А. С. Грибоедова были напуганы обе стороны. Фатхали-шах боялся, что начнется новая, третья война с Россией, к которой Иран не был готов. Царское правительство также не хотело воевать против Турции и Ирана, но понимало, что нельзя было оставлять безнаказанным убийство посланника. Тогда-то и появилась версия, сфабрикованная в иранских дворцовых сферах, будто убийство совершено фанатиками, стихийно действовавшей толпой. Ее вынужден был подтвердить, спасая свою жизнь, И. Мальцов (единственный, оставшийся в живых сотрудник посольства) в своем первом ложном донесении. Эта спасительная версия была подхвачена И. Ф. Паскевичем и К. В. Нессельроде, принята Николаем I, который велел предать «вечному забвению злополучное тегеранское происшествие»¹. Иранская искупительная миссия была принята с почестями. Николай I обелил Фатхали-шаха и его правительство, объявив, что эту страшную смерть «должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова»².

Русские официальные историки стали освещать события 30 января 1829 г. в соответствии с этой версией. Передовая же интеллигенция России вскоре поняла, что это была сделка, что царизм совершил предательство по отношению к убитому А. С. Грибоедову и фактически оклеветал его. Спустя некоторое время в русской печати стали появляться документальные исследования, основанные на архивных материалах, свидетельства очевидцев, воспоминания современников, содействовавшие выяснению причин тегеранской трагедии³. Много новых фактов и убедительных доказательств несостоятельности официальной версии гибели А. С. Грибоедова содержится в многочисленных работах советских историков⁴.

¹ «Кавказский сборник». Т. XXX. Тифлис. 1910, стр. 211.

² «А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников». Л. 1929, стр. 4.

³ А. Мальшинский. Подлинное дело о смерти Грибоедова. «Русский вестник», т. 208, 1890; «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». М. 1929; «А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», и др.

⁴ В. Т. Пашуто. Дипломатическая деятельность Грибоедова. «Исторические записки» АН СССР. Т. 24. 1947; Г. М. Петров. Новые материалы об убийстве А. С. Грибоедова. «Ученые записки» Института востоковедения. Т. VIII. М. 1953; И. Ениколопов. Грибоедов в Грузии Тбилиси. 1954; его же. Грибоедов и Восток. Ереван. 1954; С. В. Шостакович. Происхождение «Реляции» о гибели грибоедовской миссии «Труды» Иркутского университета. Т. XVI, вып. 3. 1956; его же. Из архивных материалов об Александре Сергеевиче Грибоедове. «Ученые записки» Иркутского пединститута. Вып. XVI. 1958; его же. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М. 1960; его же. О секретаре грибоедовской миссии Иване Сергеевиче Мальцове. «Труды» Иркутского университета. Т. XXV. Серия историко-экономическая, вып. 1; Ч. Байбурди. Новое о гибели А. С. Грибоедова (по данным иранской

Что касается иранских историков XIX в., то они неизменно придерживались правительственной версии⁵. Со временем их книги превратились в своего рода «источник», и из них, с незначительными редакционными изменениями, стали заимствовать сочиненную в дворцовых кругах версию о гибели А. С. Грибоедова многие историки последующих лет (Али Акбар Бина, А. Таджбахш, А. Экбаль и другие)⁶. Этому в значительной степени способствовали английские дипломаты и историки, которые, будучи заинтересованными в ослаблении позиции России в Персии, подогревали там антирусские настроения⁷.

Однако после второй мировой войны в Иране появились исследователи, попытавшиеся более объективно оценить некоторые явления, связанные с гибелью А. С. Грибоедова (Махмуд-Махмуд, Феридун Адамият, А. Шамим). Они стали писать о неблагоприятной роли англичан в тегеранской трагедии, о тесной связи Фатхали-шаха с ними, приводить факты, свидетельствующие о том, что в убийстве А. С. Грибоедова виноваты тогдашние иранские правители. Поэтому странно, что в последние годы в официальных органах иранской печати появились статьи И. Теймури⁸, полковника Дж. Каем-Маками⁹, а также серия статей бывшего министра иностранных дел Ирана Х. Навваба¹⁰, продолжающие трактовать тегеранские события 1829 г. исходя из официальной версии. При этом И. Теймури, Дж. Каем-Маками и Х. Навваб совершенно не учитывают русскую и советскую литературу по данному вопросу.

Статьи трех упомянутых иранских авторов сходны не во всем. Например, И. Теймури пишет, что премьер Аллаяр-хан Асеф од-Доуле, при котором иранская армия вторглась в пределы России в 1826 году и началась вторая русско-иранская война, был связан с англичанами и, всячески мешая заключению Туркманчайского договора, стремился не допустить прекращения войны между Ираном и Россией, что он сеял смуту в дворцовых кругах и даже якобы претендовал на престол. За все это Фатхали-шах сместил его с должности и наказал. Именно Асеф од-Доуле был зол на русского посла за то, что две его женщины ушли в русскую миссию и попросили отправить их в Россию. По свидетельству И. Теймури, Асеф од-Доуле (который, кстати сказать, был зятем Фатхали-шаха, а шах взял себе в жены сестру Асеф од-Доуле) послал в тот злополучный день к русской миссии своих людей, подогревавших толпу выкриками: «Господин приказал убить русского посла...»¹¹.

печати). «Русская литература», 1959, № 4; Б. П. Балаян. Фальсификация истории гибели А. С. Грибоедова в современной иранской историографии. «Историко-филологический журнал», Ереван, 1962, № 2 (17); его же. Иранская историография о гибели А. С. Грибоедова. «История СССР», 1964, № 6; его же. Международные отношения Ирана в 1813—1823 гг. Ереван, 1967; Л. С. Семенов. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л. 1963; О. И. Попова. Грибоедов-дипломат. М. 1964, и др.

⁵ Наиболее известными были книги, изданные литографским способом: Реза Кули-хан Хедаят. Таарихе Рузат ос-сафайе Насери («Насерова история. Луг чистоты»). Тегеран. 1853; Мохаммад Таги Селехр. Насех ат-таварих («Летописец истории»); «Фарс-намайе Насери» («Насерова история Фарса»).

⁶ См. Б. П. Балаян. Иранская историография о гибели А. С. Грибоедова, стр. 184—185.

⁷ См. И. Мальцов. Из донесений. «А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», стр. 185—198; В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 111—159; С. В. Шостакович. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, стр. 172—260; Л. С. Семенов. Указ. соч., стр. 104—141. Б. П. Балаян. Иранская историография о гибели А. С. Грибоедова, стр. 183—189.

⁸ Ибрагим Теймури. Вакэеи катле Грибоедов дар замане Фатхали-шах. «Наширие вазарате омура харедже», 3-й год изд., № 3, шахривар 1345 (VIII—IX—1966) (Ибрагим Теймури. События убийства Грибоедова во времена Фатхали-шаха. Журнал министерства иностранных дел Ирана).

⁹ Сарханг Джахангир Каем-Маками. Нокати дар барейе вакэеи катле Грибоедов. «Маджалейе баррасихайе таарихи», 4-й год изд., № 5—6, азер-эсфанд 1348 (XI—1969—III—1970) (Полковник Джахангир Каем-Маками. Некоторые моменты событий, связанных с убийством Грибоедова. «Исторические исследования»).

¹⁰ Хосейн Навваб. Як фасль аз таарихе Иран, моуджебате катле Грибоедов. «Маджалейе Ягма», 22-й год издания, № 12, эсфанд 1348 (II—III—1970), и сл. номера (Хосейн Навваб. Глава из истории Ирана. Обстоятельства убийства Грибоедова).

¹¹ И. Теймури. Указ. соч., стр. 134.

Делая при этом различные оговорки: «якобы», «по сведениям некоторых», «говорят» и т. п., И. Теймури не обвиняет англичан в соучастии. Наоборот, он совершенно серьезно пишет о резкой ноте протеста английского посла в Иране Дж. Макдональда министру иностранных дел Ирана по поводу убийства А. С. Грибоедова, считая эту акцию англичан искренней. Далее И. Теймури уже прямо отрицает причастность англичан к тегеранской трагедии: «Некоторые считают английских служащих и их пособников, подобно Асефу од-Доуле и другим, подстрекателями в организации событий, приведших к убийству Грибоедова. Но это мнение трудно представить себе правдоподобным»¹².

Зато Х. Навваб пишет довольно определенно о связи Асеф од-Доуле с англичанами: «Асеф од-Доуле был известен своей враждебностью к русским и дружбой с англичанами. Он имел бесконечные встречи и переговоры с Макнейлом, врачом английского посольства, который в те дни находился в Тегеране»¹³. Что же касается Дж. Каем-Маками, то он вообще обходит этот вопрос.

Но хотя Х. Навваб и И. Теймури сообщают о дворцовых кознях и англофильстве Асеф од-Доуле по-разному, цель у них одна — свести все дело об убийстве Грибоедова к мести Асеф од-Доуле за «отнятых у него двух наложниц» и тем самым отвести обвинение от тогдашнего правительства Ирана.

Статьи И. Теймури, Дж. Каем-Маками и Х. Навваба написаны в духе официальной иранской историографии. Так, И. Теймури повторяет вслед за своими предшественниками выдумку о том, что «с момента прибытия¹⁴ в Табриз Грибоедов начал плохо вести себя, неучтиво и грубо. Таким же было его поведение и на протяжении нескольких недель пребывания там. При встречах с иранцами и правительственными деятелями Ирана он проявлял высокомерие, заносчивость и надменность». «По пути в Тегеран (а ехали они из Табриза до столицы три недели) Грибоедов относился к населению очень грубо и неприязненно»¹⁵.

Утверждения И. Теймури не подкреплены никакими доказательствами. Больше того, его обвинения, выдвинутые против А. С. Грибоедова, находятся в прямом противоречии с фактами. Известно, что по пути следования из Табриза в Тегеран А. С. Грибоедов и его сотрудники не входили в контакты с местным населением. За этим тщательно следили иранские власти. Снабжением русской дипломатической миссии занимался мехмандар¹⁶, а продовольствие в окрестных деревнях собирала специальная персидская команда. Таким образом, если кто и «относился грубо и неприязненно к населению», так это мехмандар и его люди, которые вступали в непосредственные отношения с населением. Это вполне вероятно, так как из многочисленных иранских же источников хорошо известно, насколько безжалостно и жестоко относились тогда персидские чиновники и офицеры к простым людям. Кстати, на нечестность мехмандара Махмед-бека жаловался А. С. Грибоедов. В своем письме от 6 сентября 1819 г. С. И. Мазаровичу, который был в 1818—1826 гг. русским поверенным в делах в Иране, он писал: «Мехмандар — палач и вор, которого мне придали, я думаю нарочно, чтобы я лопнул от бешенства. В Альваре он хлебом выдал половину, а мясом одну треть того, что указано в фирмане; вместо всего остального он собрал контрибуцию телятами, но их не доставил»¹⁷.

Абсурдны также утверждения о том, что якобы сотрудник русской миссии Рустам-бек «раздражал население чрезмерными продовольственными и денежными по-

¹² Там же, стр. 137.

¹³ Х. Навваб. Указ. соч. «Ягма», 1349/1970, № 5, стр. 277.

¹⁴ В персидской литературе приводятся противоречивые даты пребывания А. С. Грибоедова в Персии. Например, Дж. Каем-Маками пишет, что А. С. Грибоедов прибыл в Табриз 27 раби оль-аввала 1244 г., а по И. Теймури получается, что это произошло позже, в месяце раби ос-сани. Не сходятся у них числа и при переводе с иранского календаря на европейский. Основные даты по европейскому календарю установил советский историк П. С. Краснов по документальным данным. А. С. Грибоедов с сопровождающими его лицами прибыл в Табриз 7 октября 1828 г.; отбыл из Табриза в Тегеран 7 декабря того же года; прибыл в Тегеран 30 декабря; был убит 30 января 1829 года.

¹⁵ И. Теймури. Указ. соч., стр. 121, 122.

¹⁶ Мехмандар — представитель правительства, в обязанности которого входило обеспечение миссии ночлегом, продовольствием и всем необходимым.

¹⁷ А. С. Грибоедов. Сочинения. М.-Л. 1959, стр. 512.

борами». Вот что пишет секретарь грибоедовского мехмандара в своей «Реляции» о функциях Рустам-бека: «Обязанности мехмандара были тяжелы и неприятны; ежедневно приходилось запасаться всякой провизией, причем мехмандар имел право требовать все, что полагалось по годовому обложению. Все нужное он приказывал сдавать Рустам-беку, который заведовал раздачей»¹⁸. Стало быть, Рустам-бек сам не собирал продовольствия, а только получал его от мехмандара и распределял между сотрудниками дипломатической миссии. Однако это не помешало автору «Реляции» (в которой так много противоречий!) на следующей странице возвести напраслину на Рустам-бека. П. С. Краснов справедливо отмечал, что, «страшась прямо выступить против Грибоедова, автор «Реляции» исподволь чернит его, приписывая трагически погибшим сотрудникам миссии разные фантастические преступления, якобы и приведшие к тегеранской катастрофе»¹⁹.

И. Теймури, Х. Наваб и Дж. Каем-Маками ставят в вину А. С. Грибоедову то, что он требовал строгого выполнения Туркманчайского договора (своевременной выплаты контрибуции, возвращения русских пленных и т. п.). Но А. С. Грибоедов для того и был послан в Тегеран, чтобы добиться осуществления статей заключенного трактата. Он действительно проводил твердую политику по вопросу возвращения пленных и русских подданных, пожелавших вернуться на родину. А. С. Грибоедов говорил: «Голубу мою положу за несчастных моих соотечественников»²⁰. Что касается выплаты контрибуции, то он предлагал царскому правительству облегчить выплату оставшихся двух куруров долга (4 млн. рублей) либо отказаться от них, чтобы не осложнять и без того тяжелое финансовое положение Ирана. В. Т. Пашуто убедительно доказал это, сравнив «Проект инструкции», составленный для себя А. С. Грибоедовым, и «Инструкцию», утвержденную министерством иностранных дел. В «Проекте инструкции» А. С. Грибоедов так сформулировал директивы по поводу получения оставшихся двух куруров долга: «Вы усмотрите из состояния финансов наследного принца, может ли сия сумма быть истребована к назначенному сроку? или необходимо дать ему облегчение? или даже совершенно простить долг, если он несоразмерен доходам...». Эти предложения были исключены из «Проекта инструкции», а вместо них вставлена фраза: «Вы не оставите прилагать все ваше старание, чтобы те деньги к определенному сроку были уплачены...»²¹.

Из приведенных документов, касавшихся одного из основных пунктов Туркманчайского договора, видно, что А. С. Грибоедов предлагал проводить разумную и доброжелательную политику в Иране. Царское же правительство требовало, чтобы А. С. Грибоедов добивался неукоснительного выполнения иранской стороной своих обязательств, не считаясь с реальной ситуацией, а потом кощунственно обвинило его в том, что он был крут и т. п. Эти обвинения затем в различных вариантах повторяли политические и государственные деятели Ирана. Современные иранские авторы, пишущие об А. С. Грибоедове, игнорируют эти факты, установленные еще в 40-х годах XX века.

Иранские правители относились к А. С. Грибоедову враждебно, что хорошо знал и сам Александр Сергеевич; об этом он говорил друзьям перед своим последним отъездом в Иран. И хотя там ему были оказаны положенные почести (о чем иранские историки любят писать не в меру пространно), но шах, его окружение и англичане испытывали к Грибоедову неприязнь. Подполковник И. О. Симонич свидетельствовал: Фетх Али-шах после каждой аудиенции, которую он ему (Грибоедову. — Д. К.) давал, уходил столь рассерженный, что весьма легко было предвидеть какое-либо несчастье. Часто при своих придворных случалось ему вскрикивать: «Кто меня избавит от этой собаки-христианина!»²². Следует иметь в виду, что подобные слова

¹⁸ «Реляция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего Российского посольства в Персии». «А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», стр. 152 (далее — «Реляция»).

¹⁹ П. С. Краснов. Дипломатическая деятельность Грибоедова. «Вопросы литературы», 1965, № 5, стр. 217.

²⁰ А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений. Т. III. Птгр. 1917, стр. 61.

²¹ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 132.

²² И. Симонич. Убийство русского посланника. «А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», стр. 202. С 1826 г. подполковник И. О. Симонич командовал Грузинским гренадерским полком, находившимся в Тифлисской губернии. С 1833 по 1838 г. он был полномочным министром России в Иране.

считались в Иране большим оскорблением, так как они затрагивали веру человека. Фатхали-шах произносил упомянутую фразу в присутствии придворных и слуг. Поэтому многочисленные заявления И. Теймури о «высоком благородстве» и «благожелательном отношении» Фатхали-шаха к А. С. Грибоедову²³ либо являются выдуманными, либо поведение Фатхали-шаха в отношении Грибоедова следует расценивать как лицемерное.

Обстановка, созданная вокруг русской дипломатической миссии в Тегеране, была настолько тяжелой, что накануне своей гибели А. С. Грибоедов велел И. Мальцову составить ноту и направить ее во внешнеполитическое ведомство Ирана. Нота эта заканчивалась следующими словами: «Нижеподписавшийся, убедившись из недобросовестного поведения персидского правительства, что российские подданные не могут пользоваться здесь не только должной приязнью, но даже и личной безопасностью (разрядка в оригинале.— Д. К.), испросит у великого государя своего все милостивейшее позволение удалиться из Персии в российские пределы»²⁴.

Иранских правителей не устраивал российский посланник, который владел персидским языком, хорошо знал обстановку в стране, быт, культуру, характер местных людей, отличался незаурядными дипломатическими способностями, проницательностью и настойчивостью. От таких дипломатов иранские правители старались избавиться с помощью разного рода провокаций. Вот что писал И. О. Симонич в то время: «Абул-Гасан-хан (министр иностранных дел Ирана.— Д. К.) однажды вечером у Эмин од-Доуле, в присутствии большого общества, где разговаривали о дневных происшествиях и толковали об удобнейших средствах для избавления шаха от столь докучливого гостя (имелся в виду А. С. Грибоедов.— Д. К.), предложил образовать род возмущения.— Мы заставим народ сильно кричать,— говорил он,— и после этого напишем в Петербург: вы прислали нам человека, который не умеет себя вести у нас,— смотрите, чего он придерживается; как бы не случилось великого несчастья. Отзовите его, если желаете сохранить доброе согласие между двумя странами. Поверьте мне,— прибавил он,— я знаю Европу и особенно Россию: он будет отозван»²⁵.

Но как бы ни старались сторонники официальной версии представить дело так, будто трагические события 30 января 1829 г. произошли исключительно из-за опрометчивого поведения А. С. Грибоедова, действительные и главные причины разгрома русской дипломатической миссии в Тегеране были совсем иными. Иранские правители были крайне недовольны тремя пунктами Туркманчайского трактата (отход части территории к России, выплата контрибуции и возвращение пленных, «взятых в продолжение последней войны или прежде»). Они саботировали выполнение этих пунктов, старались оттянуть сроки, чтобы при удобном случае денонсировать договор. Такова была линия поведения шаха и его министров; проницательный и опытный А. С. Грибоедов понимал ее ясно. Иранские правители надеялись, воспользовавшись ослаблением России во время русско-турецкой войны, силой завладеть Ереванским и Нахичеванским ханствами. Но успех русских войск на турецком фронте разрушил эти планы.

Тогда-то и родилась мысль «пугнуть русских», то есть реализовать идею, поданную шаху Абул-Гасан-ханом. Началась подготовка к атаке русской дипломатической миссии. Просьба армянина Мирзы Якуба вернуть на родину его и двух женщин, поданных России (которых скрывал в своем гареме известный в Иране интриган и англофил Асеф од-Доуле), оказалась удобным предлогом для подогревания фанатичным духовенством неграмотных людей против «неверных», то есть русских. Приведем лишь два примера, свидетельствующих о том, что случаю с двумя женщинами, доставленными в русскую дипломатическую миссию для отправки на родину, до разгрома русской миссии в высших кругах Ирана не придавали сколько-нибудь большого значения. Вот что писал по этому поводу в своем донесении И. Мальцов: «Впрочем, это обстоятельство так маловажно, что об оном распространяться нечего. С персидским министерством об этих женщинах не было говорено, и только после убийства посланника начали о них толковать»²⁶.

²³ И. Теймури. Указ. соч., стр. 125 и далее.

²⁴ И. Мальцов. Указ. соч., стр. 193.

²⁵ И. Симонич. Указ. соч., стр. 202—203.

²⁶ И. Мальцов. Указ. соч., стр. 189.

Требование о выдаче Мирзы Якуба и двух упомянутых женщин было использовано главой иранского духовенства моджтахедем Хаджи Мирзой Масихом для того, чтобы спровоцировать толпу идти к русской дипломатической миссии. Иранский историк А. Экбаль пишет: «Люди закрыли базары и между восемью и девятью часами утра по указанию моджтахеда Хаджи Мирзы Масиха двинулись к месту проживания Грибоедова... чтобы вызвать из миссии двух женщин, принадлежавших Асефу од-Доуле, а Ага-Якуба наказать должным образом. Грибоедов тех двух женщин и Ага-Якуба передал в руки народа. Женщин отправили в гарем Асефа од-Доуле, а Ага-Якуб был разорван народом на части»²⁷.

После того, как русская миссия удовлетворила требование демонстрантов (а по утверждениям иранских историков, в этом и заключалась фетва — решение на основе шариата, — вынесенная моджтахедем), казалось бы, незачем было громить дипломатическую миссию и тем более убивать всех ее сотрудников. Однако события продолжали развиваться. А. Экбаль сообщает далее: «Во время этой потасовки раздался выстрел со стороны охранявших посольство и был убит один из смутьянов... духовенство стало подстрекать народ, призывая к мести, и все кинулись на здание миссии»²⁸.

К сожалению, А. Экбаль не указывает точно, кто сделал этот первый выстрел. Но он, очевидно, не случайно употребил здесь термин «мостахфез» (означающий «охранитель»), который отличается от термина «каззак» (так называли в Иране русских солдат). Известно, что миссию охраняло небольшое количество иранских солдат. В «Реляции» секретаря мехмандара (которого трудно заподозрить в симпатиях к Грибоедову и России) сказано, что две упомянутые женщины были «поручены попечением Мирзы Якуба и помещены в отделение, смежном с его собственным, к которому были приставлены двое часовых из фераханов (пехотинцы), дабы воспрепятствовать всякому с ними общению»²⁹. Значит, иранские солдаты там были.

Следовательно, выстрел, которым был убит «один из смутьянов», мог быть произведен с провокационной целью находившимся здесь до прибытия воинской части иранским солдатом, чтобы не допустить срыва запланированного заговора после того, как толпе выданы были женщины и Мирза Якуб. Вот что пишет по этому поводу Мехди Бамдад, автор многотомного справочника о выдающихся деятелях Ирана XVII—XX вв.: «Толпа разорвала на мелкие части Якуба, из-за которого с виду возникла смута, а женщины были невредимыми отправлены в дом Мирзы Масиха. После этого, казалось бы, смута должна была на этом прекратиться и не иметь своего продолжения. Но так как в деле заключалась провокация («тахрикат дар кар буд») и вопрос имел свои корни («моузу рише дашт»), то толпа еще больше возбудилась, стала более дерзкой, окружила посольство и, хотя потеряла убитыми более восьмидесяти человек, не отступила, ворвалась в посольство и убила посла и всех сотрудников посольства, за исключением одного, который спрятался»³⁰. Перевод сделан почти буквально, чтобы точно передать мысль Мехди Бамдада о том, что Мирза Якуб и две женщины были только поводом для возбуждения толпы против русской дипломатической миссии.

Иранские правители решили свалить всю вину за кровавые события 30 января 1829 г. на религиозных фанатиков, на моджтахеда, чтобы придать заговору частный характер и отвести от себя обвинение в причастности к убийству русского посланника и его сотрудников. Но совсем другое сообщает И. Мальцов, «единственный оставшийся в живых свидетель разгрома русской миссии и убийства ее сотрудников», как о нем пишут иранские историки. Они стараются придать особый авторитет «лжесвидетельству» Мальцова, сделанному в Иране Фатхали-шаху, иранским министрам и наследному принцу Аббас-мирзе. Как известно, И. Мальцов, опасаясь быть тайно умерщвленным иранскими агентами по указанию шаха, заявил иранским правителям, что считает виновным в происшедшей трагедии самого А. С. Грибоедова, а иранские

²⁷ Аббас Экбаль Ашти яни. Мирза Таги-хан Амуре Кабир. Тегеран. 1340/1961, стр. 12.

²⁸ Там же, стр. 12—13.

²⁹ «Реляция», стр. 173; см. также С. В. Шостакович. Из архивных материалов об Александре Сергеевиче Грибоедове, стр. 357.

³⁰ Мехди Бамдад. Шархе хале реджале Иран (Мехди Бамдад. Биографии государственных деятелей Ирана). Т. IV. Тегеран. 1347/1968, стр. 100.

правительство и шах не только не причастны к ней, но даже принимали меры к ее предотвращению.

Но, помимо заявления, сделанного иранским правителям, И. Мальцов 23 марта 1829 г. написал и секретное донесение Паскевичу³¹, о котором иранские историки предпочитают не упоминать. В нем называются подлинные причины и виновники гибели А. С. Грибоедова. Этот документ находился в архиве дипломатической канцелярии главного управляющего Грузией³² и лишь спустя много лет после описываемых в нем событий был обнаружен и опубликован³³. В своем секретном донесении И. Мальцов признается, что лгал иранцам, притворялся их сторонником, боясь, что в противном случае «приносимый мне к ужину плов приправили бы, без всякого сомнения, такую пряностью, которая в 24 часа отправила бы меня в сообщество товарищей моих, погибших в Тегеране»³⁴.

И. Мальцов сообщал Паскевичу: «Персидское правительство говорит, что оно нисколько не участвовало в убийстве нашего посланника, что оно даже ничего не знало (разрядка в оригинале.— Д. К.) о намерении мулл и народа; но стоит только побывать в Персии, чтобы убедиться в нелепости сих слов. Многие из персидских чиновников уверяли меня, что они еще за три дня предупредили посланника об угрожавшей нам опасности». «Накануне велели запереть базар, и есть даже слухи, что во время убийства посланника нашего муштеид Мирза-Месих (Хаджи Мирза Масих.— Д. К.) сидел у шаха»³⁵. Доказывая прямое участие шаха и его окружения в событиях 30 января 1829 г., И. Мальцов объясняет: «Положим даже (разрядка в оригинале.— Д. К.), что и не шах, а муллы послали народ в дом нашей миссии, но и тогда шах виноват: зачем допустил он это? Если бы он решительно не хотел, чтобы народ вторгнулся в наш дом, то мог бы приставить сильный караул, который оставил бы чернь пулями и штыками...»³⁶. Однако иранские солдаты, посланные с большим опозданием «для охраны» русской миссии, не были снабжены патронами, им приказано было не применять даже холодного оружия и вообще никакой силы. Поэтому-то «они были спокойными свидетелями неистовств».

Иранские историки любят цитировать произведение придворного иранского историка и поэта Реза Кули-хана Хедаята «Луг чистоты». К нему обращается и И. Теймури. Он приводит следующую цитату из «Луга чистоты»: «Полномочного министра России Грибоедова с тридцатью семью его коллегами убили, все что было в доме разграбили, помещения разрушили до основания и даже взрыли землю, на которой они стояли...»³⁷. Само собой разумеется, что это длилось не час и не два; при желании иранские власти могли бы своевременно доставить к русскому посольству необходимые силы для предотвращения расправы с официальными представителями России.

Выясняется, что шах и его министры располагали даже гораздо большим количеством времени для организации защиты дипломатической миссии. Интересно в этом отношении то, о чем пишет Х. Навваб: «В пятницу в мечети собралось большое количество людей, они говорили о каких-то неожиданных событиях, которые должны были вот-вот произойти»,³⁸ «фетва Хаджи Мирзы Масиха вызвала шум в Тегеране. На следующий день, в субботу, ремесленники не открыли своих лавок и собрались в мечетях и медресе. Проповедник взшел на минбар (кафедру.— Д. К.) и призвал народ применить законы шариата. Большинство духовников также подтвердило фетву Хаджи Масиха». «В воскресенье в Тегеране никто не работал и народ опять собрался у минбара проповедника»³⁹. «В понедельник ночью некий Меликианц прибежал в русскую миссию и сообщил посланнику, что Хаджи Мирза Масих объявил вам джахад — священную войну»⁴⁰. На следующий день утром начался по-

³¹ А. Мальшинский. Указ. соч., стр. 164, 172.

³² Там же, стр. 164.

³³ «А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», стр. 195—198.

³⁴ И. Мальцов. Указ. соч., стр. 195.

³⁵ Там же, стр. 195—196.

³⁶ Там же, стр. 196.

³⁷ И. Теймури. Указ. соч., стр. 135.

³⁸ Х. Навваб. Указ. соч., «Ягма», 1348/1969, № 12, стр. 693.

³⁹ Там же, «Ягма», 1349/1970, № 5, стр. 276.

⁴⁰ Там же, стр. 278.

гром дипломатической миссии России. Ясно, что шах и его министры отдавали себе отчет в том, что означала фетва моджтахеда: исполнить законы шариата, объявить джихад, покарать неверных. И у них было достаточно времени для того, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу. Даже И. Теймури иногда приходится признавать неоспоримые факты. «Конечно, следует сказать, — замечает он, — что иранские правители, недовольные прошлым Грибоедова, и не намеревались, как подобало, защищать, охранять и оберегать его»⁴¹.

Как заявляют современные иранские историки, в вопросе об убийстве Грибоедова их прежде всего беспокоит престиж народа и государства. Так, Дж. Каем-Маками пишет: «Вина возложена на народ Тегерана, она пала и на его религиозные чувства, в результате чего на историю Ирана легло пятно. Но, опираясь на имеющиеся признаки, хотя эти признаки пока слабы, автор убежден, что к планам убийства русского посла правительство и народ не имели отношения»⁴². Х. Навваб по этому же поводу считает нужным заметить: «Трудно сказать, что народ задумал и решил напасть на посольство, совершить убийство, разорить и разграбить этот дом»⁴³.

Советские историки не отождествляют, конечно, иранский народ с толпой, спродвигиванной лицами, враждебно относившимися к России. Известно, что она состояла из людей, направленных к русской миссии такими деятелями, как Хаджи Мирза Масих, Асеф од-Доуле и другими, которые при преступном попустительстве Фатхалишаха и его правительства совершили это неслыханное злодеяние. Именно поэтому и вызывает удивление то, что, вопреки объективной истине, в Иране продолжается публикация статей о гибели А. С. Грибоедова, написанных в духе официальной версии, давно опровергнутой наукой.

Д. С. Комиссаров

⁴¹ И. Теймури. Указ. соч., стр. 138.

⁴² Дж. Каем-Маками. Указ. соч., стр. 257.

⁴³ Х. Навваб. Указ. соч., «Ягма», 1349/1970, № 5, стр. 279.